

ЯЗЫК СМИ

Коньков Владимир Иванович, доктор филологических наук, профессор, Институт «Высшая школа журналистики и массовых коммуникаций», Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия; e-mail: v_konkov@mail.ru

Соломкина Татьяна Алексеевна, кандидат искусствоведения, доцент, Институт «Высшая школа журналистики и массовых коммуникаций», Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия; e-mail: tsolomkina@yandex.ru

КОММУНИКАТИВНАЯ СПЕЦИФИКА ЦИТИРОВАНИЯ В МЕДИЙНОЙ СРЕДЕ В АСПЕКТЕ ОППОЗИЦИИ РЕЧЕВАЯ ФОРМА – РЕЧЕВОЕ ДЕЙСТВИЕ

Работа написана на основе анализа телевизионных программ авторского телевидения. Исследуется часто встречающаяся в устной медийной речи ситуация, когда ведущий цитирует чужой текст. Цитируемый фрагмент изначально представляет собой типовую композиционно-речевую форму, сформированную автором с нужной ему коммуникативной целью и зафиксированную на письме. Цитирующий же на основе данной письменной речевой структуры формирует свое речевое действие, имеющее новый, актуальный коммуникативный статус. Новое речевое действие соответствует коммуникативной ситуации, в которой находится цитирующий, и соотносится с конкретными координатами социального пространства-времени. Формируя новое речевое действие на основе цитируемой письменной композиционно-речевой формы, ведущий активно использует невербальные семиотические системы – интонацию, мимику, жест и др. Данный прием в полемическом медийном дискурсе часто используется как для дискредитации отдельных речевых действий оппонента, так и для понижения его социального и коммуникативного статуса в целом. Речевая техника этого полемического приема описывается и анализируется на основе речевого материала программ «Бесогон ТВ» Н. Михалкова и «Полный контакт» В. Соловьева.

Ключевые слова: композиционно-речевая форма, речевое действие, устная речь, поликодовая речь, коммуникативный статус речевой формы.

Vladimir I. Konkov, Doctor of Philology, Professor, Institute “Higher School of Journalism and Mass Communications”, St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia; e-mail: v_konkov@mail.ru

Tatiana A. Solomkina, PhD in Art Studies, Associate Professor, Institute “Higher School of Journalism and Mass Communications”, St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia; e-mail: t.solomkina@spbu.ru

COMMUNICATION SPECIFICITY OF CITATION IN THE MEDIA ENVIRONMENT IN TERMS OF THE OPPOSITION *SPEECH FORM – SPEECH ACTION*

The work is written on the basis of an analysis of two author's television programs. The situation often found in oral media speech when the presenter quotes someone else's text is investigated. The quoted fragment is originally a typical compositional speech form, formed by the author with a certain communication purpose and fixed in writing. The quoter on the basis of this written speech structure forms his speech action, which has a new, relevant communication status. The new speech action corresponds to the communication situation in which the quoter finds himself and correlates with the particular coordinates of social space-time. Forming a new speech action on the basis of the quoted written compositional speech form, the presenter actively uses non-verbal semiotic systems – intonation, facial expressions, gestures and the like. In polemical media discourse, this device is often used both to discredit individual speech actions of the opponent and to lower his social and communication status as a whole. The speech technique of this polemical device is described and analyzed on the basis of speech material of N. Mikhalkov's program “Besogon TV” and V. Solovyov's program “Full Contact”.

Key words: *compositional speech form, speech action, oral speech, polycode speech, communication status of speech form.*

DOI: 10.30547/vestnik.journ.5.2021.100115

Введение

Авторы статьи в соответствии с темой и характером материала анализировали индивидуально-речевые явления, индивидуальные, иногда единичные приемы работы с речью в авторских телевизионных программах. Нами не затрагивалась универсальная проблематика устной речи (произношение гласных и согласных звуков в разных позициях, орфоэпия, правила интонирования, обусловленные синтаксической структурой высказывания, и др.), поскольку это совершенно другая сфера работы, которая хорошо проработана в методическом отношении в различных учебных пособиях и практикумах.

Структура письменного и устного медийного текста в любом жанре может быть представлена как последовательность типовых речевых форм. Часть из них носит жанрообразующий характер, другие являются факультативными. Наиболее известные речевые формы, из которых, как из кубиков, складывается письменный медиатекст, хорошо известны: констатация факта, развернутое информационное сообщение, сообщение о событии, комментарий и др. Для устной медийной полемической речи характерен дополнительный набор речевых форм (приветствие, прощание, обещание, возражение, разные типы вопросов, реплики-стимулы и др.), а также особые приемы их организации в полилоге и диалоге.

Если рассматривать оформленность речи, противопоставляя точки зрения автора и читателя, говорящего и слушающего, то проявляется оппозиция «речевая форма—речевое действие». Если автор описывает что-либо, сообщает, повествует или рассуждает о чем-либо, то он совершает речевое действие. Не случайно так велико количество глаголов, называющих различные речевые действия. Если мы читаем текст, то перед нами речевые формы — описание, сообщение, рассуждение и др.

Все сказанное представляется достаточно очевидным и беспроblemным. Однако эта очевидность исчезает, когда мы наблюдаем за соотношением «речевое действие—речевая форма» в устной актуальной речи, вписанной в конкретную коммуникативную ситуацию, где цитируется чье-то высказывание, где автор текста и его исполнитель являются разными лицами. Автор оформляет речь совершенно определенным способом по типовому образцу, имея в виду и типовую коммуникативную цель, в расчете на которую создается речевая форма. Исполнитель же, не меняя формы речи, меняет ее первичную предназначенность, нацеливая ее на потребности новой коммуникативной ситуации.

Такая коммуникативная ситуация представлена в широко известном фильме Г. Натансона «Старшая сестра». Персонаж фильма, Надежда Георгиевна Рязанова, старшая сестра, в исполнении Татьяны Дорониной, читает монолог В. Г. Белинского, посвященный театру:

Театр!.. Любите ли вы театр так, как я люблю его, то есть всеми силами души вашей, со всем энтузиазмом, со всем испуганием, к которому только способна пылкая молодость, жадная и страстная до впечатлений изящного? Или, лучше сказать, можете ли вы не любить театра больше всего на свете, кроме блага и истины? И в са-

мом деле, не сосредоточиваются ли в нем все чары, все обаяния, все обольщения изящных искусств? Не есть ли он исключительно самовластный властелин наших чувств, готовый во всякое время и при всяких обстоятельствах возбуждать и волновать их, как воздымает ураган песчаные метели в безбрежных степях Аравии?.. (В. Г. Белинский. Литературные мечтания).

Если говорить о семантико-синтаксической структуре речевой формы, взятой из статьи В. Г. Белинского, то перед нами практическое рассуждение, изначально предназначенное для журналистского воздействия на читательскую аудиторию. Если же мы рассматриваем пассаж как фрагмент художественного фильма, то квалифицируем его как речевое действие, производимое героиней фильма, и цель этого речевого действия принципиально иная, чем у В. Г. Белинского. В исполнении Т. Дорониной рассуждение о театре приобретает статус лирического произведения. В этом случае коммуникативная цель персонажа, читающего вслух В. Г. Белинского, – сформировать образ лирического героя.

Подобного рода случаи, когда при цитировании коммуникативные цели автора речевой формы и исполнителя не совпадают, достаточно распространены и в сфере устной медийной речи. Однако коммуникативно-речевой и семиотический механизм этого явления не исследованы.

Есть все основания предполагать, что при изучении речевых форм (и соответствующих речевых действий), функционирующих в устной медийной речи, принципиально важно различать речевую форму как типовую лексико-грамматическую структуру, имеющую свою первоначальную целевую предназначенность, и речевое действие – осуществляющуюся на ее основе актуальную коммуникативную единицу. Речевую форму как типовую лексико-грамматическую структуру можно зафиксировать на письме. Но речевое действие, производимое читающим на основе этой речевой формы в конкретной коммуникативной ситуации, может существовать только в устном виде. Можно провести параллель с противопоставлением предложения как структурно-грамматической единицы языка и высказывания как единицы речи.

Коммуникативный статус актуального речевого действия речевая форма приобретает в рамках конкретной коммуникативной ситуации, характеризующейся точными координатами социального пространства-времени. В этом случае речевая форма как типовая лексико-грамматическая структура приобретает дополни-

тельные смыслы, обусловленные коммуникативными интересами того участника коммуникации, который использует данную речевую форму. Это становится возможным благодаря тому, что совершающий устное речевое действие имеет возможность использовать ряд семиотических систем, функционирующих исключительно в сфере устной речи, — интонацию, жесты, мимику и др.

Теоретическая база исследования

Не представляется возможным вести речь об истории изучения оппозиции «речевая форма—речевое действие» в обозначенном нами аспекте, поскольку в теории журналистики и медиалингвистике такая постановка вопроса не была отмечена. Тему нашего исследования подсказала практика преподавания устной речи на факультете журналистики. Проблема, как нам представляется, требует создания комплексной теоретической базы, сформированной на стыке нескольких направлений изучения функциональных типов русской речи.

В глобальном аспекте интересующая нас тема берет начало в теории функционально-смысловых типов речи, основа которой была заложена в монографии О. А. Нечаевой, посвященной описанию, повествованию и рассуждению как трем основным функционально-смысловым типам речи (1974). Существенное уточнение и развитие содержание категории «функционально-смысловой тип речи» получило в работе М. П. Брандес (2004: 71–112). Описание, повествование и рассуждение были представлены как основные типы речемыслительной деятельности, было актуализировано понятие композиционно-речевой формы как элемента композиции текста.

Параллельно развивались смежные идеи, касающиеся изучения жанровых форм речи, основой для которых послужила работа М. М. Бахтина «Проблема речевых жанров» (1979). Идеи, сформулированные М. М. Бахтиным, определили ход дальнейших исследований: во-первых, идея различения первичных и вторичных речевых жанров (категория жанра у М. М. Бахтина соотносительна с категорией речевой формы); во-вторых, положение о том, что «жанры соответствуют типическим ситуациям речевого общения, типическим темам» (1979: 267); в-третьих, вывод М. М. Бахтина о том, что границы между речевыми формами (речевыми действия-

ми) соответствуют смене коммуникативной цели, стоящей перед субъектом речи.

В соответствии с названными идеями под композиционно-речевой формой мы понимаем фрагмент текста, построенный по образцу (поэтому говорят о функциональных типах речи), лексико-грамматические и семантические особенности которого определяются содержанием фрагмента и коммуникативной целью, которую ставит перед собой автор. Необходимость учитывать языковую семантику при типологизации речевых форм обоснована нами в работах «Функциональные типы речи» (Коньков, Неупокоева, 2011) и «Грамматика медиатекста: морфология речевых действий» (Коньков, 2020).

Важную роль в изучении речевых форм сыграла монография «Функционально-смысловые единицы речи: типология, исходные модели и принципы развертывания», написанная коллективом авторов под руководством К. А. Роговой (Рогова (ред.), 2017). Принципиально новым и важным моментом является идея о невозможности полноценно описывать речевые формы, если не учитывать актуально-коммуникативный аспект, в частности теорию актуального синтаксиса. В работе анализируются поликодовые печатные тексты. Проецируя идеи исследования актуальной речи на речевые формы, существующие в устном виде, мы приходим к необходимости соотносить речевую форму как типовую грамматико-семантическую структуру и речевое действие как речевое образование более высокого коммуникативного уровня, где формирование актуальных смыслов обусловлено включенностью речевого действия в конкретную жизненную ситуацию, имеющую свои координаты социального пространства-времени. Формирование этой смысловой надстройки происходит с помощью невербальных семиотических систем — жестов, мимики, интонации и др. При этом, как демонстрирует Т. И. Попова, один из авторов монографии, важно учитывать характер вхождения в речевую форму категории субъекта (Рогова (ред.), 2017: 95).

Существенно важными для понимания семиотического механизма цитирования являются работы по интертекстуальности (Кузьмина, 2011) и прецедентности (Гудков, 2020). И та и другая сфера тесно связаны с такой речевой операцией, как цитирование.

В данной работе мы сосредоточились на аналитической журналистике — на авторских программах Н. Михалкова и В. Соловьева. О том, что именно этот сегмент медийной речи наиболее подвер-

жен влиянию индивидуальной речевой манеры журналиста, диктора, ведущего, свидетельствуют и работы специалистов по орфоэпии (Вещикова, 2014), что для нас является принципиально важным.

Необходимые сведения об особенностях медийной речи как речи поликодовой мы находим в основополагающей работе Б. М. Гаспарова «Устная речь как семиотический объект» (1978), а также в исследованиях Н. Г. Нестеровой (2015).

Что касается развития практических навыков овладения устной речью, которые обозначены в данном исследовании, то здесь необходимо обратиться к опыту, который накоплен в сфере изучения сценической речи, где важное место отводится голосу действующему (Васильев, 2010).

Анализ

Рассмотрим небольшой фрагмент из телепередачи Н. С. Михалкова «Бесогон ТВ» – выпуск «Парад мышей» (03.10.2020). Ведущий, Н. С. Михалков, читает отрывок из блога А. Проханова «Никита – бесам погибель!», опубликованного в интернет-издании «Завтра.ру» (02.06.2020):

Никита Сергеевич Михалков гоняет бесов, делает это по-нашему, по-пушкински: подходит к морю, кидает туда веревку и начинает крутить ее. И оттуда, из этого моря русской истории, летят тучи бесов, затмевают небо, на котором “невидимкою Луна”. Рой за роем бесы усаживаются на телевизионную башню в Останкино, лезут к микрофону “Эха Москвы”, пролезают в банки, в концессии, в крупные корпорации. Иные бесы, маленькие, остроморденькие, похожи на сердитых белок, которые кусают вас своими маленькими резцами. Другие – громадные, страшные, черные, мохнатые, в свалявшейся шерсти, сквозь которую смотрят на тебя огненные ненавидящие глаза.

Перед нами композиционно-речевая форма, называемая «изображение положения дел (сложившейся ситуации)». Эта речевая форма выстроена на семантике событийного типа.

Когда ведущий читает текст, то он, как мы через несколько секунд пойдем, актуализирует изобразительный потенциал этого текста, делая акцент на семантике идентифицирующего типа. По интонации зритель может это сразу и не уловить, но ведущий пояс-

няет свое речевое действие вербальным фрагментом, следующим сразу за чтением цитаты А. Проханова:

И стало слышно, как цокают копытца [цоканье], как хвосты с кисточками обхватывают ножки стульев и волочат по паркету с таким тихим скрипом. Если разбудить маленьких, с острыми зубками, то таких картонных гигантов вроде Невзорова, такой демон для стран с неконвертируемой валютой, от одного вида которого становится страшно, хочется и одновременно перекреститься, и через левое плечо плевать, чтобы только исчезло это видение перед тобой.

Причем эти слова сопровождаются звуками цокающих копытца и изображением А. Невзорова со светящимися красным цветом глазами.

Произнося хвалебный текст А. Проханова, Н. С. Михалков в полной мере применяет навыки актерского мастерства и сценической речи, подключая особый способ дыхания, активизируя дикцию и придерживаясь определенной логики звучания. Это вовсе не имитация разговорной речи, как делает это обычно Н. С. Михалков в своей программе. Это речь актера, который голосом создает условное пространство. Это пространство идеализировано, его можно назвать сказочным. В этом пространстве, в этом мире есть две стороны – темная и светлая. Темную сторону представляют бесы, «Эхо Москвы», крупные корпорации, а на светлой стороне единственный герой – Никита Сергеевич Михалков. Светлый герой побеждает темных.

Для создания такой идиллической картины Михалков применяет интонацию сказового слога. Речь звучит с посылом звука, каждая фраза словно подхватывает предыдущую благодаря началу с заката. Ударные гласные сильно растягиваются, отчего речь становится певучей и оформляется ритмически. Во многом оформлению ритмического рисунка способствует прием сказки – перечисление.

Мы слышим многократное повторение одной и той же ритмической схемы: быстрое проговаривание слов в синтагме без перерыва в звучании и растягивание ударной гласной в последнем слове синтагмы. В целом интонация ведущего отличается плавностью, вкрадчивостью, легкой улыбкой, что усиливает в восприятии слушателей образ действия «бесогона».

Таким образом, на основе речевой формы (изображение положения дел), принадлежащей А. Проханову, Н. С. Михалков фор-

мирует свое речевое действие (положительная оценка речевого профессионализма А. Проханова и интерпретация оценки), соответственно меняется и целевая предназначенность фрагмента. Н. С. Михалков, имея актерское образование, профессионально владеет интонацией, что позволяет ему осуществлять коммуникативные преобразования легко и естественно. Обучающимся по программе авторского телевидения такие приемы чтения даются с большим трудом: они плохо слышат или вообще не слышат обсуждаемые нами нюансы речи.

Ведущему «Бесогона» часто приходится читать вслух высказывания своих противников, недругов, и эти высказывания носят откровенно оскорбительный характер. При помощи специальных интонационных приемов Н. С. Михалков делает эти высказывания коммуникативно ничтожными.

Старческий маразм крепчает, совсем грустно.

Видимо, уровень интеллекта данного гражданина снизился в виду возраста, жаль, хороший был человек, наверное.

Сколько стоит совесть, / уважаемый!?

Когда Н. С. Михалков произносит тексты безымянных недоброжелателей (посты в социальной сети), обращенные к нему, он придерживается тактики, суть которой в том, чтобы минимизировать выразительность.

Первую фразу Н. С. Михалков произносит, не соблюдая паузу, которую предполагает авторская запятая, а также не делая перерыва в звучании и выделяя при этом каждое слово во фразе. Вместо обозначенного в конце восклицания, предполагающего сильное повышение основного тона и усиление громкости, Н. С. Михалков понижает тон и тем самым интонационно ставит точку, показывая, что мысль закончена, эмоция «погашена».

Вторая фраза произносится с ярко выраженной иронией. Н. С. Михалков почти не добирает дыхания и произносит все высказывание без перерывов, ускоряя последние три синтагмы механическим усилением ударных гласных.

В третьей фразе смысловым центром является слово «уважаемый». Михалков произносит его медленно, растягивая гласные и вновь не делая восклицания, но понижая тон и ослабляя артикуляцию, создавая образ подобострастного вопрошающего.

Мы видим, что, надстраивая над цитируемой речевой формой интонационную составляющую, ведущий резко меняет ее комму-

никативную цель. Вместо оскорбления — нейтрализация оскорбления, обнуление ее инвективного потенциала.

При анализе ситуаций, когда уже существующая композиционно-речевая форма, принадлежащая одному субъекту речи, используется другим субъектом речи как базовая для совершения речевого действия, меняющего ее коммуникативную природу, мы обнаружили интересное явление. В качестве базовой берутся речевые формы, которые по своим первоначальным коммуникативным свойствам являются мемами, прецедентными феноменами, авторство которых либо вообще не установлено, либо определяется с большой долей условности.

Рассмотрим пассаж из телепередачи В. Соловьева «Соловьев LIVE» (05.12.2020):

Поговорим, конечно, и про увольнение очередного оппозиционного журналиста за то, что он «ПОСМЕЛ» сказать про Навального, «ПОСМЕЛ», и тут же ему бабушка Альбац с криком «Вон из профессии!». Крикнула Альбац, которая в профессии уже давным-давно не находится.

Ведущий В. Соловьев произносит два раза слово *посмел*, представляя его как ключевое слово дискурса оппозиционеров и при этом утрируя интонацию возмущения: гиперболизируя степень возмущения, придавая ей вид интонации фальшивой, доводя ее изображение до карикатурного вида. Так же произносится и фраза, приписываемая Е. Альбац. При цитировании с помощью интонационных средств, используя возможности своего голоса и соответствующую речевую технику, В. Соловьев меняет коммуникативный статус цитируемых речевых форм. Вместо истинного возмущения и негодования перед нами карикатура, цель которой — дискредитировать оппозицию, представив (в данном случае — изобразив) ее негодование как фальшивое.

Любопытна история фразы Е. Альбац «Вон из профессии!». Вот как в социальных сетях объясняют ее происхождение: «В 2006 году Альбац пригласила журналистку Анну Арутюнян в программу “Полный Альбац” и там публично устроила ей выволочку в грубой форме, не давая вставить и слова. Поводом стало “отсутствие ссылок” в статье Арутюнян об убитой Анне Политковской. Как писала тогда в своем ЖЖ сама Арутюнян, Альбац закатила ей истерику с криками “Вы должны уйти из профессии” и “Вон отсюда”»¹.

В социальных сетях фраза «Вон из профессии» стала локальным мемом, или, иначе говоря, прецедентным феноменом. У нас

есть все основания предполагать, что семантический механизм прецедентности во многих случаях основывается на изменении первичного коммуникативного статуса — от небольшой деформации до полного отрицания.

В аспекте проблематики нашего исследования своеобразным явлением представляется цитирование видеофрагмента. Так, в «Бесогоне» автор вставляет в свою программу фрагменты телепередач, созданных другими авторами. В этом случае автор не имеет возможности встроиться в структуру видеосюжета (в отличие от ситуации с чтением чужого написанного текста), но может представить зрителю чужой сюжет, изменив его коммуникативную предназначенность, прокомментировав отдельные особенности использования семиотических систем видеосюжета как поликодового образования.

В телепередаче «Бесогон ТВ» в выпуске «За скобками» (26.03.2021) ведущий Н. С. Михалков демонстрирует, то есть цитирует, фрагмент телевизионной передачи Ксении Собчак, где ведущая полемизирует с ним. Вот вербальный компонент цитируемого видеосюжета:

Никита Сергеевич, не хочу судить о повторах в ваших фильмах, я все-таки не кинематографист, но по-журналистски я вам точно могу сказать: вам не кажется, что в «Бесогоне» слишком много ремейков? Ну какие-то постоянно рабочие, перед которыми все время должно быть кому-то стыдно. Станки, металлургия, люди, с руками и лицами испачканными в масле и угле. А напротив всегда я, с устрицами в белом, естественно, и крабами, очевидно. Я понимаю: ваше поколение верит в большие цеха и гремящие железки. Но это, знаете, как раньше все воевали за территории, а сегодня конкурируют за ресурсы. И в общем фраза «ни пяди родной земли» перестала в этом контексте быть актуальной. Сейчас самое главное — это ресурсы и современные технологии. В общем, Никита Сергеевич, заканчивайте уже бороться с вышками 5G в компании Виктории Боня и выбивать из нас слезу кадрами рабочих в саже.

Перед нами классическое практическое рассуждение, цель которого — изменить поведение автора «Бесогона» — лежит за пределами текста, во внеязыковой действительности. Данная речевая форма (практическое рассуждение) насыщено средствами выражения авторского «я», оценочными значениями этического и эстетического типа.

Высказывание Ксении Собчак в адрес Никиты Михалкова четко выверено на вербальном и невербальном уровне. Произноси-

мый текст композиционно организован, завершен. Паузы между фразами и движение тона ритмически ровные. Выстроенную речь Собчак дополняет тщательно продуманный костюм (короткое белое платье), поза (нога на ногу), положение тела (откинувшись на спинку кресла), активная жестикуляция, прямой взгляд в камеру. Для усиления образа «врага» рядом с Ксенией Собчак на маленьком столике располагаются служебные телефоны, такие же, как в кабинете Михалкова в программе «Бесогон ТВ».

Ответ на обвинительное, укоряющее высказывание оппонента Никита Михалков строит, отталкиваясь от содержания только что показанного фрагмента с Ксенией Собчак. Никита Михалков, глядя прямо в камеру, как будто это и есть сама Ксения Собчак, говорит:

Ах, Ксения Анатольевна, главное, чтобы рабочие не выбили у вас слезу вашими кадрами. Вот в этом вашем роскошном виде в образе Шерон Стоун так говорить о людях, которые каждый день вкалывают, просто вкалывают, работают и ценят свою работу. Ну это, это знаете, как из плохих советских пьес. Это все карикатура, это карикатура.

На вербальном уровне Н. С. Михалков использует в отношении своего оппонента сниженную лексику (*не выбили у вас слезу*), что говорит о нескрываемой неприязни. Затем оппонент сравнивается с американской актрисой Шерон Стоун из фильма «Основной инстинкт». В этой картине актриса исполнила роль Кэтрин, писательницы, подозреваемой в убийствах и бесстыдно обнажающей себя на допросе. Эта ассоциация дополняет образ Собчак негативными характеристиками. Уничижению способствует и тактика интонационного поведения Н. С. Михалкова. Выстроенной речи Собчак противопоставляется имитация непринужденной, фамильярной разговорной речи. В обращении к оппоненту Н. С. Михалков использует междометие и проглатывает окончания имени и отчества (*Ах, Ксень Анатольна*), после чего следует продолжительная пауза и неотрывный взгляд в камеру, словно в ожидании ответа. При сравнении Собчак с Шерон Стоун темп речи Н. С. Михалкова замедляется, смысловыми центрами синтагм становятся последние слова: *Вот в этом вашем роскошном виде / в образе Шерон Стоун.*

Акценты на словах *виде* и *Стоун*, растягивание слов на слегка искривленной улыбке, прищуренные глаза – все эти невербальные особенности придают речи Михалкова саркастическое звуча-

ние, которое усиливается произнесением и повторением слова *карикатура* в отношении поведения К. Собчак.

Кроме того, карикатурность создаваемого Н. С. Михалковым образа оппонентки задается в самом начале телепередачи, когда ведущий уподобляет обвинительное выступление К. Собчак, где она делает акцент на своей внешности, гипотетическому кастингу на роль Шерон Стоун. Ведущий предлагает

...поговорить о некоторых вещах, которые сразу дают возможность понять, насколько тщательно и добросовестно относится к тому, что делает, госпожа Собчак. В этом своем выпуске Ксения Анатольевна предстала в образе Шэрон Стоун, как в фильме «Основной инстинкт». Это было похоже на кастинг, во всех смыслах: в манере говорить, в гриме, в причёске, в миниюбке.

Тактика Н. С. Михалкова в ответе на ее обвинительное высказывание заключается в последовательном снижении коммуникативного статуса оппонента. Зритель уже с первых кадров видит не столько саму К. А. Собчак, сколько К. А. Собчак в изображении Н. С. Михалкова. Практическое рассуждение трансформируется, приобретает функцию карикатурного изображения оппонента.

Выводы

Под номинацией «цитирование» числятся разнообразные речевые явления, в основе которых лежат различные речемыслительные процессы.

В медийной среде авторского телевидения в устном выступлении ведущий или участник дискуссии часто цитируют (читают, произносят) вербальный, письменный или устный, текст, принадлежащий другому лицу. В этом случае складывается достаточно сложная, нетривиальная коммуникативная ситуация, если рассматривать отношение субъекта речи к цитируемому тексту.

Цитируемый текст представлен всегда в виде какой-либо типовой вербальной композиционно-речевой формы. Любая типовая речевая форма складывается на основе типовой коммуникативной цели, которая отражается в структурно-семантической и грамматической организации этой формы. Речевые формы используются авторами чаще всего в их основной функциональной предназначённости. Так, чтобы описать что-либо, автор использует описание; чтобы рассказать о чем-либо, автор использует повествование и т. д.

Ведущий, участник дискуссии, диктор и др., цитируя чужой текст, осуществляет на его основе свое речевое действие, имея в распоряжении помимо вербальной ряд невербальных семиотических систем — интонацию, мимику, жесты, взгляд и др.

В такой ситуации в идеологически ориентированном и конфликтном по своей онтологии медийном тексте ведущий или участник телепередачи могут легко изменить ту коммуникативную цель, в соответствии с которой цитируемая композиционно-речевая форма была сформирована автором.

Цитируемая композиционно-речевая форма имеет статус типового семантического структурно-грамматического образования. Но речевое действие, совершаемое на ее основе цитирующим, имеет актуальный коммуникативный статус, обусловленный конкретной коммуникативной ситуацией, соотнесенной с конкретными координатами социального пространства-времени. На основе одной речевой формы могут конструироваться различные по цели речевые действия, что особенно часто можно наблюдать в полемическом дискурсе.

Сформулированные положения можно экстраполировать и на те коммуникативные ситуации, когда имеет место цитирование (воспроизведение) фрагмента теле- или радиопередачи.

На практике изменение коммуникативной направленности цитируемого текста с помощью невербальных семиотических систем требует высокой речевой квалификации, специально разработанной методики преподавания устной речи, если мы имеем в виду подготовку специалистов для работы в медийной среде авторского телевидения.

Проведенное исследование говорит также о том, что оппозиция «речевая форма—речевое действие» в сфере письменной и устной речи наполняется разным содержанием.

Примечания

¹ Режим доступа: <https://maxpark.com/community/politic/content/3227149> (дата обращения: 05.10.2021).

Библиография

Бахтин М. М. Проблема речевых жанров // Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1979. С. 237–280.

Брандес М. П. Стилистика текста. Немецкий язык. Теоретический курс. М.: Прогресс-Традиция; ИНФРА М, 2004.

Васильев Ю. А. Сценическая речь: голос действующий. М.: Академический проект, 2010.

Вещикова И. А. Телевизионная речь в фоностилистическом ракурсе // Медиалингвистика. 2014. № 2 (5). С. 29–39.

Гаспаров Б. М. Устная речь как семиотический объект // Семантика номинации и семиотика устной речи: лингвистическая семантика и семиотика: ученые записки Тартусск. гос. ун-та. 1978. Вып. 442. С. 63–112.

Гудков Д. Б. Прецедентное имя и проблемы прецедентности. М.: URSS, 2020.

Коньков В. И. Грамматика медиатекста: морфология речевых действий // Медиалингвистика славянских стран / под. ред. Л. Р. Дускаевой. М.: ФЛИНТА, 2020. С. 67–92.

Коньков В. И., Неупокоева О. В. Функциональные типы речи. М.: Издательский центр «Академия», 2011.

Кузьмина Н. А. Интертекстуальность и прецедентность как базовые когнитивные категории медиадискурса // Медиаскоп. 2011. Вып 1. Режим доступа: <http://www.mediascope.ru/node/755> (дата обращения 20.05.2021).

Нестерова Н. Г. Современный радиодискурс (коммуникативно-прагматический аспект). Томск: Изд-во Томск. ун-та, 2015. DOI: 10.17223/978-5-7511-2403-8

Нечаева О. А. Функционально-смысловые типы речи (описание, повествование, рассуждение). Улан-Удэ: Бурятское книжное изд-во, 1974.

Функционально-смысловые единицы речи: типология, исходные модели и принципы развертывания / И. Вознесенская, И. Гончар, Д. Колесова, Т. Попова и др. / под ред. К. А. Роговой. СПб.: Златоуст, 2017.

Notes

Available at: <https://maxpark.com/community/politic/content/3227149> (accessed: 05.10.2021). (In Russian)

References

Bakhtin M. M. (1979) Problema rechevykh zhanrov [The Problem of Speech Genres]. In *Estetika slovesnogo tvorchestva* [Aesthetics of Verbal Creativity]. Moscow: Iskusstvo Publ. Pp. 237–280. (In Russian)

Brandes M. P. (2004) *Stilistika teksta. Nemetskiy yazyk. Teoreticheskiy kurs* [Text Stylistics. The German Language. A Theoretical Course]. Moscow: Progress-Traditsiya; INFRA M Publ. (In Russian)

Gasparov B. M. (1978) Ustnaya rech' kak semioticheskiy ob'ekt [Oral Speech as a Semiotic Object]. *Semantika nominatsii i semiotika ustnoy rechi: lingvisticheskaya semantika i semiotika: uchen. zap. Tartussk. gos. un-ta* 442: 63–112. (In Russian)

Gudkov D. B. (2020) *Pretsedentnoe imya i problemy pretsedentnosti* [Precedent Name and the Problem of Precedence]. Moscow: URSS Publ. (In Russian)

Kon'kov V. I. (2020) Grammatika mediateksta: morfologiya rechevykh deystviy [Grammar of the Media Text: Morphology of Speech Actions]. In L. R. Duskaeva (ed.) *Medialingvistika slavyanskikh stran* [Media Linguistics of Slavic Countries]. Moscow: FLINTA Publ. (In Russian)

Kon'kov V. I., Neupokoeva O. V. (2011) *Funktsional'nye tipy rechi* [Functional Speech Types]. Moscow: Izdatel'skiy tsentr «Akademiya» Publ. (In Russian)

Kuz'mina N. A. (2011) Intertekstual'nost' i pretsedentnost' kak bazovye kognitivnye kategorii mediadiskursa [Intertextuality and Precedence as the Basic Cognitive Categories of Media Discourse]. *Mediascope* 1. Available at: <http://www.mediascope.ru/node/755> (accessed: 20.05.2021). (In Russian)

Nechaeva O. A. (1974) *Funktsional'no-smyslovye tipy rechi (opisanie, povestvovanie, rassuzhdenie)* [Functional Semantic Types of Speech (Description, Narration, Reasoning)]. Ulan-Ude: Buryatskoe kn. izd-vo Publ. (In Russian)

Nesterova N. G. (2015) *Sovremennyy radiodiskurs (kommunikativno-pragmaticheskiy aspekt)* [Modern Radio Discourse (the Communicative Pragmatic Aspect)]. Tomsk: Tomsk St. Univ. Publ. DOI: 10.17223/978-5-7511-2403-8 (In Russian)

Rogova K. A. (ed.) (2017) *Funktsional'no-smyslovye edunitsy rechi: tipologiya, iskhodnye modeli i printsipy razvertyvaniya* [Functional Semantic Units of Speech: Typology, Original Models and Principles of Expansion]. St. Petersburg: Zlatoust Publ. (In Russian)

Vasil'ev Yu. A. (2010) *Stsenicheskaya rech': golos deystvuyushchiy* [Stage Speech: the Acting Voice]. Moscow: Akademicheskii proekt Publ. (In Russian)

Veshchikova I. A. (2014) Televizionnaya rech' v fonostilisticheskom rakurse [Television Speech in a Phonostylistic Perspective]. *Medialingvistika* 2: 29–39. (In Russian)

Поступила в редакцию
26.05.2021